

АНАТОЛИЙ
ГЕЙНЦЕЛЬМАН

СТОЛЬ
СЛОВЕСНОГО ОГНЯ

СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМЫ

ТОМ 2

РУССКАЯ ИТАЛИЯ

Анатолий Гейнцельман

**Столб словесного огня.
Стихотворения и поэмы.
Материалы архива
Л. Леончини. Том 2**

«Водолей»

Гейнцельман А. С.

Столб словесного огня. Стихотворения и поэмы. Материалы архива Л. Леончини. Том 2 / А. С. Гейнцельман — «Водолей»,

В настоящем издании представлено поэтическое наследие поэта Анатолия Гейнцельмана (Шабо, 1879 – Флоренция, 1953), прожившего большую часть жизни в Италии (главным образом, во Флоренции). Писать стихи Гейнцельман начал еще в конце XIX в. и в 1903 г. в Одессе опубликовал первую книгу, так и оставшуюся в России единственной. Находясь в стороне от литературных кругов русской эмиграции, Гейнцельман продолжал писать, по его словам, для себя и для жены, стараниями которой наследие поэта было сохранено и архив передан Флорентийскому университету. Второй том впервые представляет читателю рукописные книги А. Гейнцельмана, недавно найденные во флорентийском архиве проф. Луиджи Леончини. Они позволяют ознакомиться с творчеством поэта в переломные периоды его биографии: во время Первой мировой войны и революции, в пору скитаний на юге России, в годы Второй мировой войны, и служат существенным дополнением к изданным поэтическим сборникам.

© Гейнцельман А. С.

© Водолей

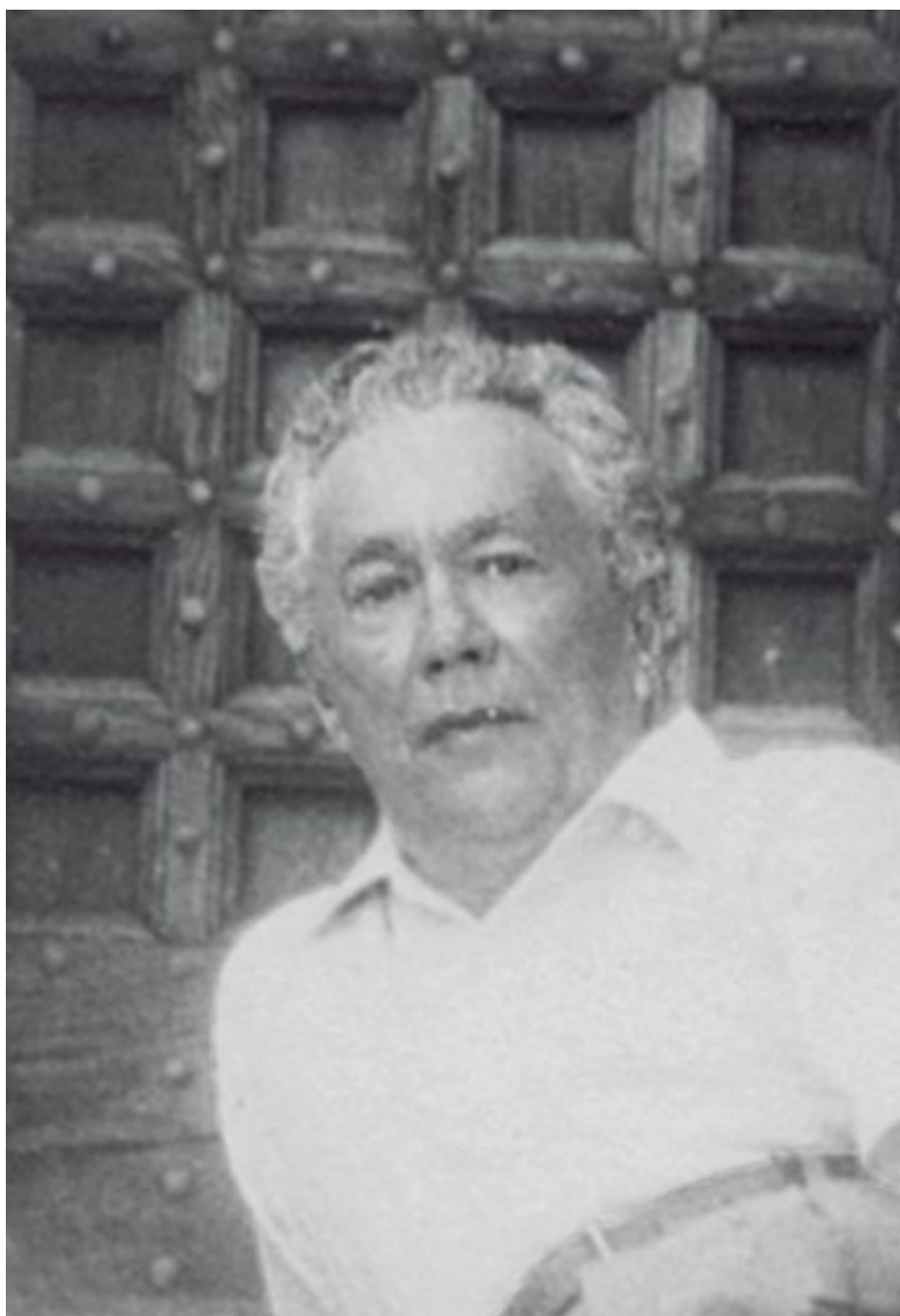
Содержание

Стихотворения	7
1917	7
Руина	7
Нетленность	8
Часовые	9
Смерть привратницы	10
I	10
II	11
III	12
Яблочко. Молитва	13
Гороскоп	14
Очищения!	15
Смерти	16
Торжество Феба	17
Колокольцы	17
Гетера и поэт	18
I	18
II	18
Анемоны	19
Плащаница	20
Розовые лестницы	22
Рыбкины куплеты	22
Три осколка	23
I	23
II	23
III	24
Голубой пир	24
I	24
II	25
III	26
IV	26
Верста придорожная	27
Ризы	28
Облаками крылящий	28
I	28
II	29
Псалтирь	31
Псалом II	31
Псалом III	31
Псалом IV	32
Крылья чайки	33
I	33
II	33
III	34
IV	35
Мука насущная	35

Избиение крылящих	37
Апостолы (Ев. От Луки 12, 6–10)	38
Голуби	39
Агармыш (фрагмент)	41
I	41
II	42
III	42
IV	42
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Анатолий Соломонович Гейнцельман
Столб словесного огня.
Стихотворения и поэмы. Материалы
архива Л. Леончини. Том 2

Водолей
Università di Pisa
Pisa – Москва, 2012

Порто Венере. 1950

Стихотворения

1917

Руина

Я древний храм. Безжалостное время
И человек преступной пятерней
Царапают мне паросское темя,
И выжигает мне метопы зной

Полуденный немеркнувшего солнца, —
И раскрошился царственный фронто́н,
Что окровавленного зрел Колоннца
И дочери-сестры невинной стон.

Я периптер дорийский на вершине
Червонным дроком крытого холма,
А подо мной бесплодные пустыни
И океана синяя кайма.

Две сотни раз сменялись поколенья,
И вереницей долгою века,
Как корибанты, с хриплым песнопеньем
Неслися вдаль, как вечная река.

Но никогда еще Дианы жрицы
И Аполлона пастырь не всходил
Во глубь моей мистической светлицы
В пьянящих облаках своих кадил;

Но никогда святое Аллилуйя
Через меня к далекому творцу,
Как звуковая, мечевая туя,
Не поднималась к звездному венцу.

И храм, и бог, и песнь, и пророки —
Цветы пустыни, желтоликий дрок;
И их целует в пламенные щеки,
Кто навсегда остался одинок;

Кто только истины своей минутной
Чуть-чуть в словах предвидит волшебство;
Кто, уходя из жизни многотрудной,
Улыбки детской ведал торжество.

Руина я, руина в желтом дреке,
Маяк, оберегающий моря, —
И только Музы строгой и высокой
Молилась тень под сенью алтаря;

Да ласточек стрелчатые короны
Со щебетанием мне нижут грудь,
И плющ по обезглавленным колоннам
Всё выше к небу пролагает путь.

20 января
Феодосия

Нетленность

В безбережном просторе вод
Меня благословил Господь
Незапятнимою мечтой
Невоплотимости святой,
Которую не сотворил
По слабости среди могил
Мой нерасчетливый творец,
Алмазно-радужный венец
Надвинувший на горький лоб,
Но зла не водворивший в гроб.
И я, открыв алтарь зениц,
Влюбился в белоснежных птиц
Неукоснительный полет,
И в Розы пурпуровый рот,
И в колокольню над селом,
В ее торжественный псалом;
И я поклялся никогда
Лицеприятного суда
Не быть слугою, а нести
Святым невольником мечты
Фантазии и нищеты
Недонесенные кресты.
И я, как ты, мой брат, Христос,
Носил с утеса на утес
Венец замороженных роз,
И не угас Хризостомос
Под натиском враждебных сил
У окровавленных могил,
Меж злобных поросячьих рыл,
И не угаснет никогда
До гласа Страшного Суда,
До торжества, до торжества!

28 декабря 1916 – 30 января 1917

Феодосия

Часовые

У меня небылицы
Украшают столицы
Беспредельных империй;
И дворец суеверий,
И чертоги фантазий
Не чертенок чумазый,
И не сам Люцифер,
И не ратники сфер,
Шестикрылая братья,
От людского проклятья,
От хихиканий злых,
От глупцов головных
Охраняют: цветы
Без шипов и без яда —
У пустыни ограда,
Через пропасть мосты.
Да, цветочки простые,
Но зато голубые,
У меня часовые, —
И никто не прошел,
И никто не прочел
У поэта скрижали
Ликованья, печали!
И у библий раскрытых,
Красотою залитых,
Вдоль коралловых литер
Проходил лишь Юпитер
В ореоле лучей...
Я ничей! Я ничей!
У границ часовые
У меня голубые;
Голубые ж глаза,
Что твои небеса:
Только рыцарь креста
Их целует в уста!
А наемник простой
За чертой, за чертой!
Только Розу одну
Навсегда в синеву
Пропустили вчера
Часовые царя,
И навстречу они

Ей подъяли в тиши,
Как войска на картинке,
Золотые тычинки,
И лазурным венцом
Королевну потом
Увенчали...

6 февраля
Феодосия

Смерть привратницы

I

Визави друг от друга
И поэта лачуга,
И дворец богача
На уступах плеча
Исполинской скалы,
Кружевные валы
Как свободная стая
Альционов встречая,
Беспечально стояли,
Голубые скрижали
Изучая Эвксина.
Но дворца-исполина
Украшали газоны
Эйхиверий фестоны,
Хризантемы и астры
И богов алебастры;
А в ионийской ротонде
На лазоревом Понте
Афродиту Милоса
Без перстов и без носа,
Украшая дворец,
Заострожил купец.
У лачуги поэта
Поскромней этикета
Церемонный устав:
Не Венера на страже
Из Милоса и даже
Не квартальные в будке,
Стародавние шутки,
Но Фемиде родня:
Мой привратник – свинья!
Из Вестфальи германка,
Воспитаньем хохлуша,

Для голодных приманка,
Здоровенная туша!
Сколько хлеба сожрала!
Два вершочечка сала,
Да колбасок фестоны,
Фрикандо, салтисоны
Из нее под Сочельник
Сотворит он, бездельник
И владелец берлоги
Псалмопевца убогой!
Нежно-розовый цвет,
Нет особых примет,
И кругла, как аббат,
И молчаньем мудрец,
И лавровый венец
Как захрюкает ей
За величье идей,
За гражданскую цель
Положи на постель!
Ах, бродячее сало
Мне привратницей стало!
Пустяки! У меня,
У поэта, свинья
Спозараночку голым
Стало жизни символом,
Но воздушные замки
Не Вестфалии самки
Караулят поэту:
В белый мрамор одета
Афродита Милоса,
В голубое с утеса
Покрывало глядит.
У купца же в душонке
И Вестфальский синклит,
И родимой сторонки,
И текущего дня
Матерая свинья!

II

Ах, завистливы боги
И жестоки подчас,
Как разбойник с дороги
Столбовой. В тарангас
Дребезжащий души
Топоры и ножи,
Только радостно взвизгни,

Только хрюкни светлей,
Запузырят и жизни
Запаленных коней
С олимпийским поличным
По келейкам отличным,
По кишкам разместят!
Там насмешник Сократ,
Обстоятельный Кант,
Там тщедушный Атлант
Будет скоро мечты,
Там исчезнешь и ты,
Матерая свинья!
На свинячий Олимп
Через желудочный лимб
Ты должна вознестись
В заповедную высь,
Где Священный Кабан,
Повелитель свиней,
Приготовит вам жбан
Золотых трюфелей!

III

Свершено! Поутру,
День забрезжил едва,
По мелодий ковру,
Пробудясь, голова
Начинала мячи
Золотые со сна
Перебрасывать слов
И созвучий мечи
Рассыпать. И волна
Песнопенья вокруг
Заплескалась, но вдруг
Умолкает язык:
Отвратительный крик
В подорожную пыль
Повергает мне быль
Паутинную слов!
Омерзительный рев!
Предагонийный страх
Истрадавшийся прах
На подобное forte
Иногда сподобит.
Словно нож по аорте,
Словно шкуру скоблить
И срывать со святого

Принялися ab uovo!
И, словесные пальцы
Обронивши, я пальцы
В оглушенные ушки
Погрузил, но старушки
Я услышал смешок:
– Закололи, сынок!
Закололи спросонья
Мы девицу Хавронью!
Сколько чистого шмальца,
Сколько хлебного сальца,
И печенки, и почек:
Уж горшочков и бочек
Мы наполнили ряд! —
И так хищно горят
У старушки глазенки,
Словно куцый скелет
И сморчочки-печенки
Никогда для котлет
Не назначены были
Червячонку в могиле.
А за стенкою хрящ
И косточки дробят.
Я, в шутовский свой плащ
Завернувшись, назад
Не взирая, пошел.
Окровавлен был пол,
И висели кишочки,
И лежали кусочки
Неповинных мощей,
И с десятков чертей
Из девичьего мяса
Мастерили колбасы.
Я бежал без оглядки,
Но подсчитывал, гадкий,
Сколько сальных рублей
На прелестницы сало
Обменять мне скорей,
И решил, что немало.

Февраль
Феодосия

Яблочко. Молитва

Закатятся когда-нибудь бельма
Окровавленных дедушки глаз;
Императора будут Вильгельма

Катафалк выставлять напоказ.

Мой папаша – наследный кронпринц,
И я сам буду скоро как он;
Принеси мне, Христосик, гостинец,
Оловянных солдат миллион.

Я к тебе обращаюсь, бедняжка,
На соломе родившийся в свет, —
У меня на атласике шпажка
И отличий висел винегрет,

Я к тебе обращаюсь, малютка,
Потому что таков этикет;
Да и старому Богу не шутка
Приказать, – я покамест не дед!

Положи же мне, грязный мальчишка,
На Сочельник под царскую ель
Для обстрела с людьми городишко
И соборов высокую цель.

И заполни саженный подносик
Несожженных еще государств,
И жестоких, жестоких, Христосик,
Принеси мне пилюль и лекарств;

Принеси мне мортиры, Спаситель,
Но в четыреста двадцать модель, —
Я пороков земную обитель
Искуплю, превратя в вермишель!

7 февраля
Феодосия

Гороскоп

С великой и счастливою планидою
Ты обручен навек, младенец Толюшка!
Пустое, что продрог ты под хламидою
И что гниет твое грудное доньшко,
Пустое, что питаешься акридою,
Что не видна в гряди твоя коронушка:
Ты пощажен кровавой Немезидою,
Тебя баюкают Эвксина волнышки,
Ты обойден бесплодия обидою,
Тебя благословил, простое звеньшко,
Господь псалтырю. Завтра ж над Авлидою

Он навсегда тебе даст Деву-Солнышко!
И ты за ней на розовые лестницы
Пойдешь с мечтой, нетленной прелестницей!

9 февраля
Феодосия

Очищения!

Как глаза у блядущей девки,
Изрубцован полозьями, мутен
Ледяной камилавки у Невки,
Но тебе он, Григорий Распутин,

Золотая, атласная саржа!
Ты – символ отвратительной язвы,
Горностаем покрытой, – и баржа
Выгребная гордилась бы разве

Катафалком тебе и клоаке,
Для которой пророком Астарты
И блядущим фетишем мрака
Справедливости жалкие карты

Ты, ханжа и преступник и шулер,
Передергивал в годы проклятья!
А! святая возмездия пуля,
А! поэта священная братья!

Не впервые мы терпим шпицрутен,
Не впервые нас гонят сквозь строй,
Но чтоб символом был нам Распутин,
Нет, палач, лучше в землю зарой!

Пусть никто не виновен в обмане,
Пусть виновных не знает мудрец,
Но в невинном разбойничьем стане
Мы, казненные духом, Отец,

Очищенья, очищенья в Ханаане
Ожидаем за великое страданье
В искупителей священном Иордане!
Мы боролись до последнего дыханья, —

Ниспошли же нам предтечу Иоанна,
Пусть крещением залечит наши раны,
Пусть врачует преисподние изъязны,
Пусть поставит серафимов для охраны.

Очищенья! Очищенья в Ханаане,
Заслуженного за долгое страданье!
Мы явленья ожидаем у Иордана
Долгожданного Мессии. Осианна!

9 февраля
Феодосия

Смерти

Ну, полно угрожать, Старуха,
Окровавленную косой,
Нирваны адской повитуха,
Я уж не зайнька косой!

Прибавится лишь жалкий колос
В твоём чудовищном снопу,
Но вечности нетленный голос
Не увязать тебе в снопу.

Ине один на смертном ложе
Возляжет солнца аколит:
С ним рядом на него похожий
Любви прострется аколит,

Денницы сын, душисто-алый,
Цветами избранный царем,
И заглушишь ли ты кимвалы
Над умирающим царем.

Веди же рать туберкулеза
В мою расшатанную грудь,
Неувядающая Роза
Покроет стынувшую грудь.

Счастлив, счастлив я, знай, я в счастье,
Меня не режет адамант,
И потому я в черной пасти
Не растворюсь, как адамант.

Счастлив, счастлив я на отходе,
Я царское дитя люблю,
Свободнее во всей природе
Не сыщешь бега кораблю!

И потому иди же, сводня,
С бессмертной Розой серафим

Из-под косы взлетит сегодня,
Шестокрылатый Серафим!

10 февраля
Феодосия

Торжество Феба

За горами Мегера-Зима прикорнула,
Знать и ей соглядатаем быть надоест,
И не целится в грудь из студеного дула
Почему-то озлобленный вечно норд-ест!

Бирюзовую мантией венчанно небо,
А у моря хитон – голубая яшма,
У коней же, подкованных золотом Феба,
На попоне пурпуровой пряжи кайма.

Как влюбленная девушка нежен возница,
Повелитель небес неустанных коней,
И цветы золотые летят с колесницы
На усталую грудь и на жемчуг морей.

И ликуешь невольно, как будто бы жизни
Не испита унылая чаша до дна,
И покажешься сам себе радостным крыжнем
Или чайкой, что где-то далеко видна!

И поверишь невольно, что дикие руны
Ты неверно в свитке заповедном прочел
И что скоро развеется ужас заструнный
И вернуться мечты на отцовский престол!

10 февраля
Феодосия

Колокольцы

Зазолотились колокольцев
Звончатые в груди звонницы,
Волшебнo трельные подольцы:

Пасхальные взвились птицы...
И откровенье Сердобольца
В студеные сердец бойницы,

Не пораженное позором,

Ласкался, – но каркал ворон
Над плащаницами с укором...

12 февраля
Феодосия

Гетера и поэт

I

Не будь ликующим тевтоном,
Гетера-Жизнь, и осмотри
Внимательнее по притонам
Добычу: подлинно ль цари

Сдались твоим грудям сурьмленным?
Цари Мечты, а не тиран
Тупоголовых, заярмленных
Недокрамольничавших стран.

И, если ты найдешь подобных,
Хоть до мозга костей ликуй!
Холопов же пустоутробных
Страстями плотскими прикуй

К давно заплеванному ложу!
Как избранный тобой тевтон,
Ты мира сброшенную кожу
И колоссальный легион

Безоборонных победишь!
Родительницей толькомышь
По праву назовет тебя,
Ушко лапчонкою свербя.

II

Мне любовь и большие страдания
Прекратили глубинных корней
Роковое всегда содроганье —
И направили в царство теней.

Говорят, я еще существую
И, одетый в шутовский наряд,
Посещаю гетеру больную
И циничный ее маскарад,

Но ответствен ли я за улитку,
За жемчужинки домик пустой?
Не бездушное ль тело за нитку
Жизнь-Гетера тереблет рукой?

Оттого, что когда-то по грязи
В зипунишке худом и с кошевкой
Отправлялось за пищей в лабазы
И ругалось с базарной торговкой,

Только горнее слово осталось,
Беспредельности Девичьи Зори,
Вдохновенья нетленная алость,
Аллилуйное синее море!

12 февраля
Феодосия

Анемоны

Благовестителей бесплодных
Крылящий шелестами крыл,
Экстаза слов багрянородных,
Марий смиренных Гавриил,

Оставя голубой оазис,
Пришел в Бастилию людей,
Где, опираясь на базис
Телесный, правил Асмодей.

У окровавленного трона
Алели хищные цветы,
о только робко Анемоны
Хранили образ чистоты:

На белоснежной колыбели
Они в метелях родились.
И на безволненной свирели
Небес серебряный нарцисс

Им ангелов великий образ
В Эдеме Божьем показал, —
И совратительница кобра
Поползла в подземельный зал,

А Гавриил собрал малюток
И, кудрем перевив букет,

От Асмодея мерзких шуток
Вскрылил в преображенный свет,

Вскрылил к заоблачной вершине,
Где, искупая дольний срам,
Стоял в незыблемой пустыне
Голубоглавый белый храм.

И, блеском райским обливаясь,
Уста беззвонные звонниц
Разверз он: стаи задыхались
Там меди звонкокрылых птиц.

И с алтаря часовни древней
Он сбросил беззастежных книг
Сухую ересь, и Царевну
Мечту избавил от вериг:

Поэт ее в горах последний
Пред тем, как броситься на дно,
Приворожил, смертельно бледный,
На голубое полотно.

Затем коленопреклоненной
Лик закрывающий сераф
С хитона ткани позлащенной
Снял белолепестный аграф,

И тихо, тихо анемоны
Ей улыбнулись тогда
И к основанию короны
Ее приникли навсегда.

И купола тогда раскрылись,
И белоснежная чета
В лазури вечной зазыбилась:
Архангел Божий и Мечта!

13 февраля
Феодосия

Плащаница

Ты одна за моей плащаницей,
Как Мадонна с Голгофы, пойдешь;
И забрызгает грязь колесницу,
И подол твой, и блески калош.

Простынями больной потаскушки
Всё увешает небо февраль;
И лабазы, трактиры, избышки
Площадными словами печаль

Безысходную встретят малютки,
Что рыдает за гробом навзрыд;
И бульжник дорожный для шутки
Ей в подошвы вопьет свой гранит.

И не будет цветочков на крышке...
И в наемной карете пастор
И босяк в шутовском сюртучишке,
С треуголкой и факелом, взор

Ненадолго от черных шалевок
Отвлекут, меж которыми спит,
Как и в жизни смирен и неловок,
Беспредельности жалкий пиит.

И не станут звонить колокольни,
И венков с эпитафией нет,
И старушке протявкает школьник:
То непризнанный, видно, поэт!

Ты одна за моей плащаницей
Поплетешься на тесный погост;
Но не будь там подбитою птицей
И скажи мне с улыбкою тост.

И скажи мне: Как рада я, Толя,
Как я рада теперь за тебя,
Что твоя прекратилась неволя,
Что ушел ты безумно любя.

Ты расскажешь лазоревой маме,
Что оставил сестрицу одну,
И за мною она с васильками
Голубыми отправит весну.

И ты выйдешь мне к двери навстречу
Лучезарным серафом Отца,
Поцелуем тебе я отвечу, —
И блаженству не будет конца!

14 февраля
Феодосия

Розовые лестницы

По розовым лестницам неба
Срывать голубые фиалки
Ведешь ты меня из Эреба,
И жизни прошедшей не жалко

Мне радостей творчества скорбных;
Ты жить не хотела у прялки,
Я долга верблюдом двугорбым
В подданстве не мог быть у палки.

Пустая гнела нас беседа,
Унылые каркали галки,
И горек был ломоть нам хлеба,
Как будто седой приживалке.

И в неба граненого слова
От скуки я долго метал кий,
И тело казнил я сурово
И жил наподобье весталки.

Но ты златорунного Феба
Признала в верижнике жалком.
По розовым лестницам неба
Срывать голубые фиалки

Ведешь ты меня, и в гирлянды
Свиваем мы небо без прялки
И скачем, как встарь корибанты,
В лазурных фиалок скакалки.

15 февраля
Феодосия

Рыбкины куплеты

Люби, твори и будь спокоен,
И не катайся на изнанке,
Не наноси себе, мой воин,
В сердечный пряничек твой ранки!

И чтобы вес твой был удвоен,
Стань хоть пасхальным поросенком!
И обжирайся! Чтоб утроен
Был пай, указанный Розенком!

Будь хоть привратницы достоин
Сферичной, царственной осанкой,
Будь отрубями хоть напоен,
Но стань племянником германки!

Твоя же золотая рыбка
К тебе вернется без приманки,
Без ритма шаловливой зыбки,
Без слова сахарной баранки!

Теперь ей круглая улыбка
Лица и пухленькие ручки
Важней всего: устала рыбка
Лечить братишкины колючки!

16 февраля
Феодосия

Три осколка

I

Сплетем из наших душ венки
У тихо дремлющей реки
Забвенья, а тела, спалив,
Насыпем в глиняный ликиф,

Где птица вечности – павлин,
И Агнец Божий, и дельфин,
И между лозами Амур
Хитро сокрыты под глазурь;

И драгоценный черепок
Поставим смело на челнок;
Раздастся колокольный звон,
И тихо тронется Харон.

3 февраля

II

Как дикий Иоанн Предтеча,
Пророк – пустынный и теперь,
Но не приходит издалече
Грехами отягченный зверь,

И в синеструйном Иордане
Не омывает плоти явь,
И Агнец только в Иоанне
Узрит поруганный устав.

Ш

Нет истины нерукотворной
И ложен творчества Завет,
Но, слову вечности покорный,
Священнодействует поэт.

И потому алтарь Господень,
Где раздается плотский вой
Циничного познания сведен,
Он очищает бечевой!

18 февраля
Феодосия

Голубой пир

I

Сегодня опять благосклонно
Роняют вокруг чудеса
Мечты голубые затоны,
Зовущие вдалеке небеса.

Сегодня опять в небосклоны
Воздушный кузов корабля
Уносит на юте «Беллоны»
На пир голубой короля.

Овечек едва лишь рожденных,
Кудрявых, атласных руна,
Из бледных кораллов кессоны,
Фестоны червонного льна,

Громадные, страстные груди
Красавиц в лазурной фате,
Жерла озлобленных орудий,
Мессии на алом кресте,

Колонн голубых канелюры,
Луга золотых орхидей,

Твердынь грозовых амбразуры
И радуги пестрых цепей, —

Державному нищему нужны
В очей ненасытливый трюм:
Без них он, калека недужный,
Как сокол в неволе, угрюм!

II

Вот, вот он, синий, синий, синий,
Слегка кольшимый ковер,
Разостлан до незримых линий,
Что отуманивают взор!

Лишь слева пояс пурпуровый,
Из глины низкая коса,
Врывается стрелой суровой
В лазоревые чудеса,

Да в синей чаше серебристой
Струей влюбленная камса
Кипит и блещет, как монисто,
Как лунной пряжи полоса,

И серебристая чуларка
Фонтаном плещется вокруг,
Но ни одна рыбацья барка
Не простирает смертный круг.

Зато, о Боже, снег крылатый,
Вихрясь на миллионах крыл,
Оставил синие палаты
И всё подоблачье покрыл;

Зато, о Боже, покрывало
Легло на свежую лазурь
И мерно в волнах колыхалось,
Как незастывшая глазурь;

Зато, о Боже, диадемы
Ты обронил из чайных роз,
Цветочной пылью Эдема
Покрылся голубой наркоз!

III

Нет, не покрывало Божье
И не блески диадем,
Не снежинки синю ложу
Попадают в ярем:

То крылатой, хищной брати
Распростерлись тенета,
То последнее объятье
Пред потерей живота.

Острокрылые могилки,
Двухлинковый ятаган,
Альционы, звонокрылки,
Черноперистый баклан

Завихрились, запрудили
Бирюзовы небеса
Бриллиантовой пылью,
Как метелиц волоса.

Сколько их! Считай-ка звезды,
И червонный колосок,
И усопших на погосте,
И зыбящийся песок!

Ах, с алчбою человечесьей
Альционы в серебро
Погружаются по плечи,
И священное нутро,

Цель разбойничьих крылений,
Цель, быть может, и всего,
Туком дышащих мгновений
Наполняется легко!

IV

Не подобен ли белым пиратам
Необъятный Создателя мир,
И не правит ли туком проклятым
Мирозданье нелепейший пир,

И не мне ли назначен символом
Альбатрос, проглотивший кефаль,

Что трепещет в кишечнике голом,
Альбатрос, уносящийся вдаль;

И не я ли в груди, как Везувий,
Создают от тоски и огня;
И не я ли в искривленном клюве
Уношу золотое агня;

И не я ли всю рать альционов,
И сребристую в волнах камсу,
И земных и забережных тронов
Драгоценности в гроб унесу;

И не я ли, как хищник вселенной,
Поглощаю из края и в край
И прошедший, и мир нерожденный,
И крылатыми созданный рай,

Поглощаю в грязи у дороги,
Ненасытный, голодный всегда,
Но уж насмерть усталые ноги
Не расправит иллюзий узда!

17–18 февраля
Феодосия

Верста придорожная

Один, как верста придорожная,
Стою я в краю гололедицы,
Но жизнь мне постыла острожная
И ласки седые метелицы,

Но песнь надоела мне горькая
Плетущихся мимо острожников,
И жду не дождуся лишь зорьки я, —
Забыл меня, бедного, Боженька!..

Настанет весна, это знаю я,
Приходит нередко болезная,
Зачем-то душою отгаю я,
Польется и песнь безнадежная!

Ах, сколько допето напраслины
Над миром, холодным покойничком!
Ах, сколько в игольчатом паслене
Сожгло мотыльков моих солнышко!

Не лучше ль забиться мне в петлице,
Как окунь, висящий на удочке,
Не лучше ли Деве-Метелице
Навеки склониться на грудочки?!

19 февраля
Феодосия

Ризы

Кольцо яремное на шею не ложится
Тому, кого Господь по странному капризу
Одел уже с утра в серебряную ризу.

Пускай он навсегда израненная птица:
Ему печали явь сокроют занавески
Лазоревых небес и слова арабески.

И даже под бичом надсмотрщиков тюремных,
И даже на дыбу, без чести и без шлема,
Ему не изменить видение Эдема.

Вся грязь вселенной, весь позор деяний темных
Не захлестнут лазурь и не повергнут вниз
Ушедшего туда в мерцаньи Божьих риз!

19 февраля
Феодосия

Облаками крылящий

I

Себе я дважды, трижды первый,
Себе я Альфа и Омега,
Хотя мои больные нервы
Готова черная телега
Везти на краюшек могилы,
Где смерти ящик шутовской,
Встряхнув расплзшиеся жилы,
Опустят в яму на покой!
Пустое! Уж не раз на донце
Я опускался почему-то,
И почему-то краше солнце
Опять всходило чрез минуту,
И почему-то я всё то же
Безумие благовещу,

И, сизнова на то похоже,
Я крылья в вечность опущу
Из подземельной колыбели
И двинусь обновленным в путь,
И бирюзовые свирели,
Которых жизненная муть,
Которых скорбь еще ни разу
В веках коснуться не могла,
Опять священному экстазу
Отпустят смело удила,
И светлозарнейшая песнь
Сожжет действительности плесень,
И я немеркнушую душу
Волнам безбережным отдам
И плача ритмом не нарушу
Голубокрылый Божий храм!
Надежд ожившие гирлянды
Обветрившиеся аканты
Полуразрушенных аркад
В том храме Божьем озарят,
И небожителей великих
Я узрю пламенные лики,
Те лики, что, когда я замер
В агонии, мне бледный мрамор
В предсмертья блекнувших рельефах
Повыявлял в лазурных нефах:
Лик Мамы Вечности нетленной,
Лик Божества несовершенный,
Творца вертящихся стихий
И темно-синих литургий!
Ах, нет, я не конечный прах,
Меня не жалует гробница;
Забрызжет в зреющих веках
Опять немеркнушая птица
Необычайности моей,
Вселенной серый соловей!
Да и теперь еще не мертвый
Влачится по снегу и по льду,
Еще фантазии когорты
Подвластны нищему кобольду,
Еще из гроздий наслажденья
Я муку творческую пью,
Еще великое творенье
Из небылицы создаю.

II

В иллюзий замок я намерен
Уйти до страшного суда
И увести в лазурный терем
Мое печальное дитя!
Не бойся, замок мой не тесен,
Он был всегда отчизной песен,
И теремок его не страшен
Среди кольца лазурных башен.
Не знает золоченых рамок
Мечты волшебный этот замок,
Не знает рабского ярма,
Хотя и он моя тюрьма!
Подъемли взор: дом необъятный
Лазури тысячепалатный
Ты видишь там, – то терем твой!
То нам завещанный покой!
Там вечный, чистый и пригожий
На маем посланное ложе
Придет к избраннице жених.
И псалмопевца райский стих
Дитя земли обворожит,
Что в пухе розовом лежит,
Что тучек алых покрывало
От взоров жениха скрывало.
Но он, склонясь к ее плечу,
Поднимет легкую парчу
И, рядом опустясь легко,
Устами красное ушко,
Плененное волной кудрей,
Освободит и скажет ей:
– Я неиспелимый Феникс,
Царевна, твой смиренный пленник!
И я люблю неугасимой,
Рожденной долгой-долгой схимой
Любовью милую тебя!
Верижник нищий бытия
Для изначального напева
К Эдема голубым садам
Тебя, искупленная Ева,
Привел, как праотец Адам.
Души возлюбленной напиток
Испей: она святой Грааль,
Очей неизъяснимый свиток
Читай: в них умерла печаль!
Неугасимые лампы
Мы перед ликом Божества,
И, опьяненных от услады,
Нас рая свежая трава
Сокроет от очей завистных,

Познания горечью нечистых.
Но прародителями тлену
Возлюбленных не выдаст рай;
Его колеблемую стену
Вороний не пронизет грай:
Познания дерево с корнями
Мы вырвали из белых туч
И с ядовитыми плодами
Скатали по уступам круч!
Еву создал для Адама
Зодчий мира Саваоф,
Мир же – радужная рама
Эроса священных строф!

20 февраля
Феодосия

Псалтирь

Псалом II

Господь меня сделал недужным,
Чтоб шел я по пажитям южным
И в солнце влюбился, и в розы,
И в схимников чистые грезы.
Господь меня сделал калекой,
Чтоб вертелом грудь человека
Не мог я пронзить ради гривны
И долга комедий противных.
Господь меня сделал и нищим,
Чтоб жил я по людным кладбищам,
С живых мертвецов ожерелья
Не крал я, как все, от безделья.
Господь меня сделал парящим,
Чтоб мог я до гроба любящим
Ему в голубом фимиаме
Служить в непостроенном храме.
Господь меня сделал безумцем,
Чтоб стал я опять вольнодумцем
И, в старый уйдя монастырь,
Там новую создал псалтырь!

19 февраля

Псалом III

Не пора ль в голубую могильницу

Безнадежный зарыть вертоград,
Не пора ли седую родильницу
Отрешить от озлобленных чад?
Не возмездья прошу я Иеремии,
Не заслуженных ада наград,
Но бесплодые последней анемии
Для людских запаршивевших стад!
Бесполезно Христовой им кротости
Приобщаться загробных услад,
Бесполезно сечение по кости:
Неизменен природы уклад!
Ахинею вселенной бесплодием
Ты в нирвану воротись назад,
И развеется вмиг по угодиям
Омерзительный брашенный чад!
И опять города не горожены
Будут всюду и тих вертоград,
И в пещере навек заостроженный
Околеет познания гад!

21 февраля

Псалом IV

Благословен создавший жуткой
Вселенной челюстные шулки,
Благословен, хотя бы брат
Перегрызал меня трикрат!
Благословен за эти грудки
Моей возлюбленной малютки,
И у подножия креста
За эти теплые уста,
За глаз печальных незабудки,
За пальцев милосердые чутких,
За то, что невозможный мир
Певца ей дорог и псалтирь!
Теперь как прежде прибаутки
Из чьей-либо собачьей будки
И полный храм ослиных морд
Не оборвут псалма аккорд,
Теперь в приветливой каютке
Лихих саней по первопутку
Певец с Царевной мчится вдаль,
Сокрытый в снежную вуаль!

21 февраля
Феодосия

Крылья чайки

I

Из допотопного ружьишка,
Склонившись на прибрежный ил,
Глухой и жадный старичишка
Бедняжку-чаечку убил

И полувыхсохшей старушке,
Кадящей вечно над грошом,
Для сотой розовой подушки
Принес чуть теплую потом.

И та, усевшись на пороге,
Вцепилась грязной пятерней
В несчастной чайки труп убогий,
Когда-то венчанный волной.

В коленях угловатых крылья,
Которым буря по плечу
Была, повисли от бессилья,
И на потухшую свечу

Похожи кругленькие глазки
В головке свисшей, как отвес, —
И моря не осталось сказки
Следа на страннице небес.

И только крыльев белоснежных
Разящий синеву кинжал,
Напоминая о безбрежном,
Так несказанно волновал.

II

– Скажи мне, милая хозяйка,
Зачем подушек вам гора,
И много ли бедняжка чайка
Тебе даст пуху и пера?

– Подушки – дорогая мебель,
В достатке с ними человек;
И не какой-нибудь фельдфебель
Мой старичок, – он родом грек!

– Но вы стары, но вы бездетны,
И будет пухом вам земля,
К чему вам перьяная Этна,
К чему перинные поля?

– На всякий случай, от обилья
Не пропадают, господин!
– Положим, что и так, но крылья,
Но крылья же не для перин?

– А крыльями, когда в постели
Клопы-мерзавцы наползут,
Мы мажем тюфяки и щели,
Макая их, сынок, в мазут.

– Всё не без пользы, значит, в мире,
Но крылья мне ты подари!
– Корзинка полная в сортире
Припасена их... Что ж, бери!

III

И я бедняжечку с молитвой
К себе в келейку перенес
И остро выправленной бритвой
Ей крылья пепельные снес.

И труп бескрылый старушонке
Отдав, я крылья раскрыл
Как для полета и к филенкам
Входным гвоздочками прибил.

Эмблема вечная поэта,
Мечтой крылящего без крыл,
Красуйся в келии аскета
И охраняй от грязных сил

Действительности гнойноокой
Никем не торенный порог!
Вам цели более высокой
Господь предназначать не мог.

Как треугольник ока Божья,
Белейте радостно с дверей,
Напоминая сине ложе
Неискрыляемых морей;

Напоминая, что ковыль
Рубашка телу лишь конец,
Но что отрубленные крылья
Возьмет в безбережность Отец!

IV

Когда же, весь в парах от гнева,
Роняя из ноздрей огонь,
Прискачет снова с королевой
Теперь неукротимый конь, —

Я из цветов и паутины
Сплету неуязвимый шлем
И вам на радужной вершине
Одену золотой ярем...

И шлем, какого ни Меркурий
Не надевал и ни Орланд, —
Весь шорох, шелест, весь в лазури,
Весь светозарный адамант, —

Я ей, коленопреклоненный,
Певец, оруженосец, паж,
Подам предельно умиленный,
В слезах от радости. Она ж

Крылатой царственной короной
У моря голубых зеркал
С улыбкой удовлетворенной
Покроет кудри... И отдал,

Поверьте, каждый б из парящих
И жизнь и песни и крыло,
И два крыла, лазурь разящих,
Чтоб обвивать ее чело!

22 февраля
Феодосия

Мука насущная

Под окном у моей королевской конуры
Нерабатки причудливых роз, —
Хлопотливо там квахтают черные куры,

День-деньской разрывая навоз,

Потому что болото мостят мне вассалы,
Высыпая у дома помет;
Но зато так поистине царственны залы
Голубые, где дух мой живет,

Что с веселием детским пернатым мещанкам
Я бросаю задорное: ку-ка-ре-ку,
И нередко к соседских помоев лоханкам
Подливаю спитого чайку.

Но сегодня, взглянувши в рябое окошко,
Я впервые заплакал навзрыд,
Словно в сердце вкогдилась черная кошка,
Словно в горло вцепился мне стыд.

Гнилоглазый был день, и сопливые тучи
То и дело сморкались в навоз,
И на преющей, вздувшейся мусорной куче
Белокрылый сидел альбатрос

И, с опаской в глазенки хатеночек глядя,
Из-под кала клевал потроха
Собачонки издохшей: какой-нибудь дядя
Милосердный ей дал обуха.

Альбатрос, альбатрос, и в лазоревом чуде
Для крылящего жизнь нелегка,
Очевидно, и синие вечности груди,
Как у нищенки, без молока,

И насущного хлеба презренная мука
Всем равно на земле суждена,
И свободного в мире не может быть звука,
И польнию чаша полна!

И такой же ты бедный, отверженный Лазарь,
Что от брашна чужого живет,
Как и тот, кто с проклятием по пыли лазит,
Воскрыляя мечтой, как поэт!

И всё те же должны мы вертеть веретена
И продажными делать уста,
Потому что прострешь ли за коркой ладони,
Называя им крылья Христа?

24 февраля
Феодосия

Избиение крылящих

Февраль не больно любит ведро,
Любовница на нем повисла
Ревнивая, что часто ведра
Роняет вместе с коромыслом,

И жалкая бывает весень
На склонах выжженных Тавриды,
И, если б не исполнил песен,
Замерз бы в выцветшей хламиде

Певец лазурной небылицы,
Для неизверившейся Музы
Волшебных сказок вереницы
Через распахнувшиеся шлюзы

Души роняющий и в стужу.
Но вот уже лучи разули
Обутую в отрепья лужу
И смело родники вздохнули.

Сегодня же вдруг защелкали
Голодные дробовики, —
То вестников весны встречали
Сторожевые старики.

Вот, вот под облаками первый
Весны-прелестницы гонец,
Змеится тоненькою вервью
Подснежник в крылиях – скворец.

Но неприветливо встречает
Гостей крылатых человек,
И вестниц первых ожидает
В желудке даровой ночлег.

И только часть усталых пташек
По куполам монастыря
В святой обители монашек
Спасла вечерняя заря.

Смотри, смотри, осьмикрылатых
Покрылись факелы крестов
В заката пурпуровых латах
Гирляндами живых скворцов.

Вихрятся черные по граням,
Кружатся дружно щебеча,
И рада птичьим оссианам
Осьмиконечная свеча!

Так подле мертвого Нарцисса,
Рыдая, бьются серафимы
На фресках Джиоттовых в Ассизи
В базилике неоценимой,

Но только там срывают птицы
Одежды с ангельского тела,
Здесь перелетных вереница
Кресту псалом хвалебный пела.

Псалом весны, что рядом с храмом
В зеленой мантии взвилась
И расстиляет над Бедламом
Свой одуряющий атлас!

Видали много мы уж весен
Кругами орошенных вежд,
Но мы и эту просим, просим,
Хоть без иллюзий и надежд!

Мы нынче пастырь без отары,
Глас извопившийся пустынь,
И потому волшебной чары
Мы в келье пригубим окрин

С волшебноюокою малюткой,
На огнедышащем коне
Несущейся уже близютко
По белоснежной пелене!

25–26 февраля
Феодосия

Апостолы (Ев. От Луки 12, 6–10)

Не пять ли птиц, стрелюю сокрушенных,
Продаст торгаш за пару пенязей,
У Бога же, у Бога окрыленных
В природе несть избраннее друзей,

И потому апостолов Христовых
Волосья все судьбою сочтены;
Несите же тяжелые оковы:

Дороже вы мне вестников весны.

Кто исповедует перед врагами
Всего и всем горящего меня,
Архангелы лилейными руками
Снесут того в немеркнувшего дня

Обитель райскую блаженным ликом,
Отвергший же меня перед людьми
Останется в неведении диком
Зерном невсхожим вековой зимы.

Казнящую Спасителя десницу
Простит Господь, не ведавшую зла,
На Духа же Святого не простится
Познания преступная хула!

28 июня
Старый Крым

Голуби

Барочный храм Святого Марка.
На площади разбит цветник.
Октябрьское солнце жарко
Палит латунный воротник

И саблю генерала Фанти,
И метлы худосочных пальм
В геометрическом аканте
И сонме хризантемных чалм.

Нагое университета
Слепит строение вблизи,
И, словно на зените лета,
Везде закрыты жалюзи.

На расплавленной скамейке
Я, разлеясь, насупротив
Сижую удушливой келейки,
Что, девочку закрепостив

Мою, лягушечие глазки
Зеленые мне тарашит
Навстречу, словно для указки,
Кося на королевский щит.

Скорей бы колокольчик, что ли,

Академический педель
Потряс, чтоб вышла из неволи
Моя плененная газель;

Скорей бы прогуляться к Vasc'e,
Где кедры хмурые стоят,
Где Фра Анжеликовы сказки
Всё сызнава творит закат.

Но неугомонимы совы
Ученые, и в коридор
Не высыпал полуготовый,
Недоучившийся доктор.

Как молчаливы, как послушны
Цветы узорчатых корзин!
Как безразличен и как скучен
Небес лазурный балдахин!

Но чу! из полутемной щели
Заснувшей улочки трамвай,
Визжа, катится у панели,
Нарушив окрыленных стай

Покой полуденный, – и с желоба
Церковного и с темных ниш
Взвились в лазоревое голуби,
В лазоревое море с крыш!

Взвились, вихрятся всюду белые,
Снежинки, тучи, паруса!
Мечты нетленные, бестелые
Освободились в небеса!

А! сколько их неслышно киями
Чертоги неба бороздят,
И снова, убежденный крыльями,
Я верую, что Хаос свят!

Тут выпорхнула из-под арки
С чудовищною кипой книг
На площадь пресвятого Марка
Моя газель – и детский крик

При виде синеву разящих
Бессчетных крыл раздался тут:
– Таких мне, Толик, настоящих
Старайся раздобыть минут!

– Голубка, я твой неразлучный,
Неопалимый голубок,
Избранник песни сладкозвучной,
Приявший лавровый венок!

– Я – незапятнанная Пери,
Ты – шестикрылый серафим!
Но лишь в обители Химеры
Мы будем счастливы. Летим!

Задумана 29 октября 1909. Флоренция
Создана 1 августа 1917. Ст. Крым

Агармыш (фрагмент)

I

Воспламененный глаз негаснущего Феба
Немилосердно жжет проклятого вертепа
Уже поникшие колосья Персефоны,
И задремавшие зеленые короны
Лесов недышащих, и радостные всплески
Едва рожденного, охваченного срубом
Студеного ключа под величавым дубом.
Без одеяния сегодня голубая,
Неувядающая бесконечность рая;
Упали кружева и мантии кисейной
Клубящийся покров, корабль тысячерейный,
И лишь Агармыш тяжелые пилястры
Кой-где воздушные увенчивают астры,
Кой-где жемчужные одели ожерелья
Игривых облаков, послушников веселья
Необычайного небес монастыря,
Где вечен хоровод Небесного Царя!
Невдалеке пылит шоссейная дорога
И поселение болгарское убого
Сокрыло в холодке заветных вертоградов
Хатеночек ряды в побеленных нарядах.
За ним червонные раскинулись нивы
И лес недвижимый до изогнутой гривы
Неустрашающих, гостеприимных гор.
Есть чем очаровать ненасытимый взор!
Какая тишина! Какая благодать!
Куда еще идти! Чего еще желать!

II

Пустое! Это ложь.
Над родиною нож
Чудовищный занесен,
И, словно дождь черешен
В понтийскую грозу,
Простерлися внизу
Бесчисленные жертвы!
Взгляни-ка, очи мертвы
Оплеванной России,
И все ее стихии
В березовом гробу
Жестокою судьбу
Отныне делят с ней...
Закройся, слезы лей
У бедной плащаницы
Сраженной птицы...

III

Над великой державой Российской,
Что сокрылась во тьме киммерийской,
Не заплачешь ты, значит, природа,
Над судьбою злосчастной народа,
Не потешишь сочувствием нас.
Ах! В Элладе священный погас
В Элевзине давно уж огонь!
Гелиосов держащий конь
И священные вечные музы
Не закроют ужасные шлюзы,
Где прорвался гноящий Коцит
Меж познания раздробленных плит.

IV

Нет, ошибся я, сестрица,
Плачет голубая птица
Где-то в синеве небесной,
И хихикает телесный,
Пестрогрудый попугай!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.